

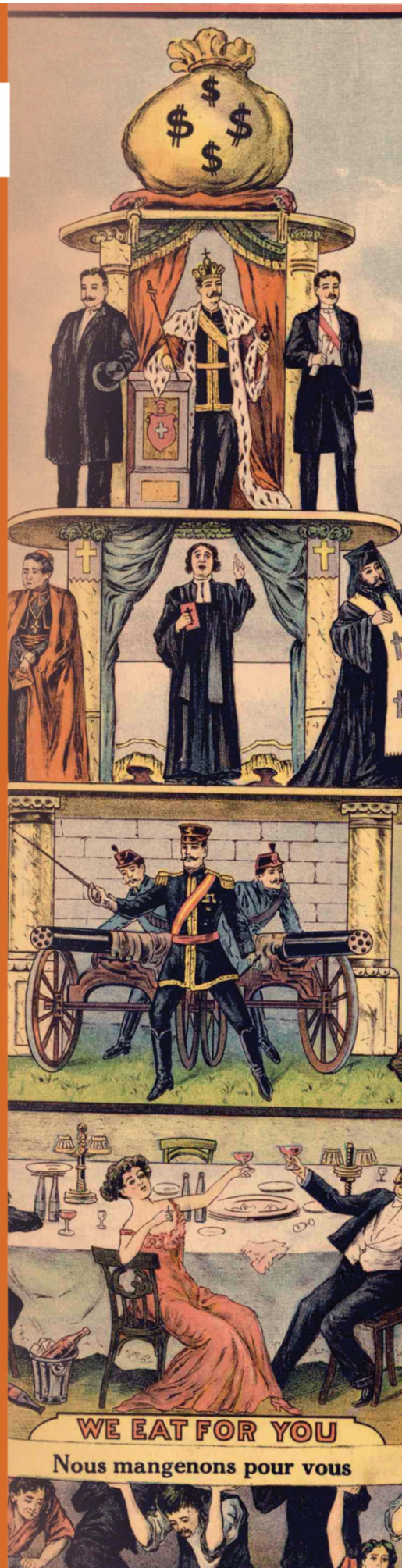
ХОЗЯЕВА МИРА

ХА-ДЖУН

ЧАНГ

ТАЙНАЯ
ИСТОРИЯ
КАПИТА-
ЛИЗМА

ПОЧЕМУ МЫ БЕДНЫЕ, НЕСЧАСТНЫЕ И БОЛЬНЫЕ

Хозяева мира

Ха-Джун Чанг

**Тайная история капитализма.
Почему мы бедные,
несчастные и больные**

«Алисторус»

2023

УДК 82-311.6-93
ББК 63.3 (2)

Чанг Х.

Тайная история капитализма. Почему мы бедные, несчастные и больные / Х. Чанг — «Алисторус», 2023 — (Хозяева мира)

ISBN 978-5-00222-139-4

Несёт ли свободная торговля благо? Приносит ли глобализация пользу народам? Может ли открытый рынок принести пользу? Ведущий корейский экономист Ха Джун Чхан считает, что нет. На многочисленных примерах он показывает, как свободный рынок приводит к разрушению и опустошению десятков экономик мира, как неolibеральные «эксперты» своей некомпетентностью разоряют целые континенты, а крупные западные страны насаждают свободную торговлю, используя её как своё оружие в борьбе за власть над миром. Идеи свободного рынка, – говорит Ха Джун Чхан, – оказались для Запада оружием более мощным, чем атомная бомба. Именно с помощью либертарианской теории «невмешательства государства» они сумели подчинить себе Африку и Латинскую Америку, большую часть Азии и Океанию. От автора бестселлера «Как устроена экономика».

УДК 82-311.6-93
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-00222-139-4

© Чанг Х., 2023
© Алисторус, 2023

Содержание

Пролог. Мозамбикское экономическое чудо	6
Глава 1. Об автомобилях «Лексус» и прелестях мирной жизни	18
Мифы и факты о глобализации	18
Официальная история глобализации	20
Реальная история глобализации	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ха-Джун Чанг
Тайная история капитализма. Почему
мы бедные, несчастные и больные

© Ха-Джун Чанг, 2023

© «Издательство Родина», 2023

* * *

Пролог. Мозамбикское экономическое чудо Как избежать бедности

Мозамбик бросает вызов лидерам

«Nuts and Volts». 28 июня 2061, Мапуто

Из бумажного издания журнала «Экономист»

На великолепно проведённом мероприятии, состоявшемся в День независимости Мозамбика, 25 июня, крупнейшая африканская (за вычетом ЮАР) бизнес группа, из г. Мапуто, «Tres Estrelas» обнародовала новую революционную технологию массового производства водородных топливных ячеек. «Когда осенью 2063 г. наш новый завод начнёт производство – торжественно пообещал председатель правления г-н Армандо Нумайо – мы сможем бросить вызов лидерам из США и Японии, предложив нашим клиентам гораздо лучшее качество за свои деньги». Аналитики сходятся во мнении, что новая технология «Tres Estrelas» позволит водородному топливу заменить спирт в роли главного источника энергии для автомобилей. «Это, несомненно, бросит серьёзный вызов ведущим производителям спиртового топлива, таким как бразильская «Петробра» или малазийский «Альконас» – заявил Нельсон Мбеки-Малан, директор престижного НИИ Энергоэкономики при Университете Западного мыса, ЮАР.

«Tres Estrelas» совершила свой стремительный взлёт с довольно скромного старта. Фирма начала с экспорта орехов кешью еще в 1968 г., за семь лет до обретения Мозамбиком независимости от Португалии. Затем она разрослась, расширившись в текстильную промышленность и переработку сахара-сырца. Потом она совершила еще более смелый шаг, войдя в электронику, сначала как субподрядчик корейского гиганта «Самсунг», а затем уже и как независимый производитель. Но когда в 2030 г. фирма объявила, что их следующим проектом будут водородные топливные элементы, она столкнулась с большим недоверием. «Все думали, что мы рехнулись – говорит г-н Нумайо – подразделение топливных элементов высасывало из нас деньги в течение 17 лет. По счастью, в то время у нас было немного внешних акционеров, которые требовали бы мгновенных результатов. Мы неизменно верили, что построение фирмы мирового класса, требует длительной подготовки».

Подъём компании символизирует экономическое чудо современного Мозамбика. В 1995 году, через три года после того, как окончилась кровавая 16-летняя гражданская война, Мозамбик имел ВВП на душу населения всего 80 долл. и был в буквальном смысле беднейшей страной в мире. Испытывая глубокий политический раскол, имея разгул коррупции и жалкие 33 % грамотности, перспективы Мозамбика расценивались от мрачных до зловещих. В 2000 году, через восемь лет после окончания гражданской войны, средний мозамбিকেц всё еще зарабатывал всего 210 долл. в год, чуть более половины заработка среднего ганийца, зарабатывавшего 350 долл. в год. И, тем не менее, с тех пор, мозамбикское экономическое чудо превратило его в одну из богатейших экономик в Африке, и в страну с подушевым доходом выше среднего. Немного везения и усердия и он может даже войти в ряды развитых экономик лет через 20–30.

«Мы не будем поживать на лаврах, говорит г-н Нумайо с хитрой ухмылкой, за которой заметна стальная решимость, – Это – жёсткая отрасль, где технологии сменяются быстро. Жизненный цикл продукта короток, и никто не может протянуть долго в роли лидера, опираясь только на одну инновацию. Конкуренты могут появиться из ниоткуда, в любой момент.» В конце концов, его собственная компания сама только что выкатила неприятный сюрприз американцам и японцам. Может ли сравнительно неизвестный производитель топливных ячеек где-нибудь в Нигерии решить, что если «Tres Estrelas» смогла выдвинуться из глубокой тени на вершину дерева, то может быть, он тоже сможет?»

У Мозамбика может получиться или не получиться развиваться, согласно моей выдумке. Но как бы вы реагировали, если бы вам в 1961 году, за век до «Мозамбикской мечты», сказали, что через 40 лет Корея станет крупнейшим в мире экспортёром мобильных телефонов, совершенно фантастического продукта для того времени? Водородные топливные элементы, по крайней мере, уже существуют.

В 1961 году, спустя восемь лет после окончания братоубийственной войны с Северной Кореей, среднедушевой ВВП в Южной Корее составлял 82 долл. Средний кореец получал **менее половины** заработка среднего ганийца (179 долл.)¹. Война в Корее, которая кстати, началась 25 июня – в День независимости Мозамбика, была одной из наиболее кровавых в истории человечества, унеся 4 миллиона жизней за три с лишним года (1950–1953). Половина южнокорейских производственных мощностей и более 75 % её железных дорог были уничтожены в конфликте. Страна смогла продемонстрировать некоторую способность к самоорганизации, подняв к 1961 году уровень грамотности до 71 % с уровня жалких 22 %, которые Корея унаследовала в 1945 году у своих колониальных господ японцев, правивших в Корее с 1910 года. Тем не менее, повсеместно Корея считалась безнадёжным случаем провала в развитии. Внутренний документ USAID, главного американского органа международной помощи в 1950 г. назвал Корею «бездонной бочкой». В то время главными статьями экспорта были вольфрам [*овая руда*], рыба и прочие простейшие сырьевые товары.

Что касается «Samsung»², ныне одного из ведущих мировых экспортёров мобильных телефонов, полупроводников и компьютеров, то компания начинала как экспортёр рыбы, овощей и фруктов в 1938 году, за семь лет до освобождения Кореи от японского колониального правления. До 70-х годов XX века её главными направлениями были переработка сахара-сырца и текстиль, в которые она вошла в середине 1950-х³. Когда она двинулась в полупроводники, приобрета 50 %-ю долю в «Korea Semiconductor» в 1974 году, никто не принял этого всерьёз. В конце концов, «Samsung» даже не производил цветных телевизоров до 1977 года. Когда в 1983 году он объявил о своих намерениях бросить вызов лидерам полупроводниковой промышленности из США и Японии путём создания своих собственных чипов, в это мало кто верил.

Корея, одно из беднейших мест на земле, была той обездоленной страной, в которой я родился 7 октября 1963 года. Сегодня я – гражданин одной из богатейших, если не самой богатой на свете, страны. Уже при моей жизни среднедушевой ВВП в Корее вырос почти в 14 раз в масштабах покупательной способности. Великобритании для этого потребовалось более двухсот лет (с конца XVIII в. по сегодняшний день), Соединённым Штатам около пятидесяти лет (с 1860-х гг. по сегодняшний день)⁴. Материальный прогресс, которому я был свидетелем за свои 40 с лишним лет, можно сравнить только с тем, как если бы я начал свою жизнь британским пенсионером, родившимся во времена царствования Георга III или американским дедушкой, родившимся при президенте Линкольне [*и дожил до наших дней*] [*по-видимому, использованные образы пенсионера и дедушки олицетворяют лицо, находящееся*

на пике своего материального благополучия и накоплений, доступных среднему мужчине того времени].

Дом, в котором я родился и жил до шести лет стоял на тогдашней северо-западной окраине Сеула, столицы Южной Кореи. Он был небольшим (на две спальни), но современным, одним из тех, которые государство построило на средства иностранной помощи, в рамках программы по обновлению обветшавшего жилищного фонда. Он был построен из бетонных блоков и плохо отапливался, так что зимой было довольно холодно – ведь зимой температура в Корее может упасть до 15 и даже 20 градусов мороза. Канализации не было, конечно, такое было только для очень богатых.

И тем не менее, моя семья имела многие роскошества, которых не было у других, благодаря [положению] моего отца, высокопоставленного чиновника Министерства финансов, который бережно сэкономил часть своей стипендии, когда он учился один год в Гарварде. У нас был чёрно-белый телевизор, который как магнитом притягивал наших соседей. Один друг семьи, многообещающий стоматолог из госпиталя Св. Мэри, одного из крупнейших в стране, каким-то образом всегда находил время, чтобы зайти к нам, каждый раз, когда показывали по телевизору крупные соревнования, якобы по причинам, никак не связанным с трансляцией. В сегодняшней Корее он бы подумывал о том, чтобы заменить второй семейный телевизор в спальне на широкоэкранный плазменный. Мой двоюродный брат, который только что приехал с родины отца Кванджу в Сеул и пришёл к нам в гости, стал спрашивать мою мать, что это за странный белый шкаф у нас в гостиной. Это был наш холодильник (кухня была слишком мала, чтобы вместить его). Моя жена Хи-Джеонг, родившаяся в 1966 году в Кванджу, рассказывала мне, что их соседи регулярно «помещали» своё драгоценное мясо в холодильник её матери, супруги преуспевающего врача, как если бы она была менеджером эксклюзивного швейцарского банка.

Сеул в 1950-х годах.

Небольшой домик из бетонных блоков с чёрно-белым телевизором и холодильником, может и не показаться чем-то особенным, но для поколения моих родителей он был вопло-

щённой мечтой, ведь они жили в очень бурное и наполненное лишениями время: Японское колониальное правление (1910–1945 гг.), Вторая мировая война, разделение Кореи на Северную и Южную (1948 г.) и война в Корее. Каждый раз, когда я, моя сестра Ёнхи и мой брат Хасок жаловались насчёт пищи, наша мама сетовала о том, как мы испорчены. Она не уставала напоминать нам, что когда она была наших лет, люди её поколения, считали, что им очень повезло, если у них на столе были яйца. Многие семьи не могли себе их позволить, а в тех семьях, где их могли позволить, их приберегали для отцов и работающих старших братьев. Она часто вспоминала, как у неё разрывалось сердце, когда её младший брат пяти лет, умиравший с голоду во время Корейской войны, сказал, что ему стало бы лучше, если бы он только смог поддержать в руках чашку из под риса, даже пустую. Мой отец, ныне мужчина весьма здорового аппетита, обожающий свою порцию мяса, старшеклассником должен был выживать на рисе, маргарине с чёрного рынка из запасов американской армии, соевом соусе и перцовой пасте. В возрасте десяти лет он был вынужден беспомощно наблюдать, как его семилетний младший брат умирал от дизентерии, смертельного поветрия, ныне почти неизвестного в Корее.

Многие годы спустя, в 2003 году, будучи в отпуске, я приехал погостить из Кембриджа в Корею, и водил моего друга и учителя нобелевского лауреата Джозефа Стиглица (Joseph Stiglitz) по Национальному музею в Сеуле. Мы подошли к выставке прекрасных чёрнобелых фотографий, демонстрировавших повседневную жизнь сеульского предместья среднего класса в конце 50-х – начале 60-х годов XX века. Именно таким я помнил своё детство. Рядом с нами стояли две юные женщины, лет по 20 с небольшим. Одна из них воскликнула: «Как это может быть Корея? Это какой-то Вьетнам!» Между нами была разница лет в двадцать, не больше, но знакомые мне сцены, были совершенно незнакомы ей. Я повернулся к Джо и сказал, что я чувствую, насколько мне повезло, что будучи специалистом по экономическому развитию, я имел возможность наблюдать такие разительные перемены в течение моей жизни. Я чувствовал себя, как чувствовал бы историк, специализирующийся на средневековой Англии, который своими глазами видел битву при Гастингсе или астроном, который вернулся назад во времени к моменту Большого взрыва

Следующий наш дом, в котором я прожил с 1969 по 1981 годы, в самый пик корейского экономического чуда, не только имел канализацию, но также мог похвастаться центральным отоплением. Бойлер, к сожалению, загорелся и чуть не спалил весь дом, вскоре после того как мы въехали. Но я не жалею, нам очень повезло, что он у нас был, большинство домов отапливались угольными брикетами и тысячи людей погибали каждую зиму от отравления угарным газом. Эта история просто иллюстрирует состояние корейской техники в ту далёкую, и в то же самое время такую близкую эпоху.

В 1970 году я пошёл в начальную школу. Это была второразрядная частная школа, в каждом классе было по 65 человек. И мы этим очень гордились, потому что в соседней государственной школе было по 90 человек в классе. Много лет спустя на одном семинаре в Кембридже, докладчик сказал, что в 1980-е годы из-за бюджетных сокращений, навязанных Международным валютным фондом (подробнее о нём позднее), среднее число учеников в нескольких африканских странах выросло с 30 с лишним до 40 с лишним человек. Тогда меня [как громом] поразило, насколько плохо обстояли дела в корейских школах моего детства. Когда я учился в начальных классах, в самой лучшей школе страны было по 40 человек в классе, и все удивлялись: «как им это удаётся?». Государственные школы в некоторых быстрорастущих городских районах были перегружены до предела, имея до 100 человек в классе, учителя работали по две, иногда по три смены. Неудивительно, что в таких условиях, широко применялось битьё учеников и зубрёжка. Конечно, такие методы имеют очевидные недостатки, но, по крайней мере, Корея смогла обеспечить, как минимум, шестилетнее образование практически всем детям, начиная с 60-х годов.

В 1972 году, когда я был на третьем году обучения (американский Третий класс), школьный двор внезапно стал солдатским бивуаком. Присутствие солдат должно было предотвратить любые студенческие выступления против военного положения, введённого президентом страны, (бывшим) генералом Пак Чон-Хи (Park Chung-Hee). По счастью, они были там не против меня и моих друзей. Мы, корейские дети, может, и были известны своими ранними успехами в учёбе, но конституционное устройство было слегка за пределами возможностей нас, девятилетних. Моя начальная школа была при университете, вольнодумство студентов которого и было главной мишенью солдат. Корейские студенты были совестью нации во времена политического средневековья военной диктатуры, и они же сыграли ведущую роль в том, чтобы положить ей конец в 1987 году.

После прихода к власти в 1961 году в результате военного переворота, генерал Пак сделался «штатским» и победил в трёх выборах подряд. Его победы на выборах опирались на успех политики «Пятилетних планов экономического развития», которые запустили «экономическое чудо». Но победы обеспечивались также фальсификациями и грязными политическими трюками. Его третий и последний президентский срок истекал в 1974 году, но Пак не мог просто так уступить. Посреди своего третьего срока он устроил то, что в Латинской Америке называют «авто-путч». Последовал роспуск парламента и создание «управляемой» избирательной системы, гарантировавшей ему пожизненное президентство. Он оправдывал всё это тем, что страна не могла себе позволить хаос демократии. Людям сказали, что стране нужно защищаться от северокорейского коммунизма и ускорять экономическое развитие. Провозглашённую им цель повысить среднедушевой ВВП до 1000 долл. к 1981 году многие сочли шапкозакидательской, граничащей с бредовой.

В 1973 году Президент Пак начал осуществлять «Программу индустриализации в Тяжёлой и Химической промышленности» (HCI). Первый сталелитейный завод и первая судостроительная вступили в строй, и первые местные автомобили (собранные в основном из импортных комплектующих) выкатились с конвейера. Создавались новые предприятия в электронике, машиностроении, химической и других высокотехнологических отраслях. С 1972 по 1979 годы среднедушевой ВВП вырос феноменально – более чем в пять раз в долларовом исчислении. Казавшаяся бредовой цель Пака, довести среднедушевой ВВП до 1000 долл. к 1981 году, была достигнута на четыре года раньше срока. Экспорт рос ещё быстрее, увеличившись в 9 раз в долларовом исчислении⁵.

Всеобщая одержимость экономическим развитием нашла своё полное отражение в нашем образовании. Нас учили, что наш патриотический долг – докладывать, если кто курит иностранные сигареты. Страна нуждалась в иностранной валюте, вырученной от экспорта до последней копейки, чтобы закупать оборудование и материалы, и еще глубже развивать промышленность. Ценная иностранная валюта была поистине кровью и потом наших «бойцов индустрии», бившихся в экспортных битвах на предприятиях страны. Те, кто проматывал её на всякую ерунду, типа контрабандных сигарет, были «предатели». Я не думаю, чтобы кто-нибудь из моих друзей заходил настолько далеко, чтобы сообщать о таких «актах измены». Но мельница слухов молола, когда мы, дети, видели иностранные сигареты в доме у кого-нибудь из друзей. Об отце такого друга – а курили почти исключительно мужчины – отзывались очень неодобрительно, если не как о преступнике, то по крайней мере, как о непатриотичном, а следовательно аморальном человеке.

Трата иностранной валюты на что-либо не жизненно важное для промышленного развития была или запрещена, или очень не поощрялась посредством запретов на импорт, высокими тарифами и акцизами (которые назывались налогами на потребление предметов роскоши). Предметы «роскоши» включали в себя даже относительно простые вещи, такие как небольшие автомобили, виски или печенье. Я помню тихое ликование в народе, когда специальным правительственным решением была закуплена партия датского печенья в конце 1970-х.

По той же причине поездки за рубеж были запрещены, за исключением утверждённых государством деловых поездок или учёбы за рубежом. Как следствие, хотя у меня немало родственников в США, я никогда не выезжал за пределы Кореи, пока в возрасте 23 лет в 1986 году, я не стал первокурсником в Кембридже.

Это не значит, что никто не курил иностранных сигарет или не ел контрабандного печенья. В обращении находилось значительное количество нелегальных или полулегальных иностранных товаров. Был некоторый объём контрабанды, особенно из Японии, но большая часть товаров была ввезена нелегально или полулегально из многочисленных американских военных баз, рассыпанных по стране.

Американские солдаты, воевавшие в Корейской войне, могут всё ещё помнить тощих корейских детей, которые бегали за ними и выпрашивали жвачку или шоколад. Даже в 1970-е годы товары из американской армии всё ещё считались роскошью. Семьи, принадлежащие к среднему классу с возрастающими доходами, могли себе позволить покупать шоколадки M&M и растворимые соки Tang juice в магазинах и у переезжих лотошников. Менее состоятельные люди ходили в рестораны, в которых подавали *boodaе chige*, буквально «рагу с военной базы». Это был более дешёвый вариант классического корейского рагу *kimchee chige*, в который добавляли *kimchee* (капусту, маринованную с чесноком и перцем), но главный компонент — мясо с живота свиньи заменяли на более дешёвые сорта, такие как пайковый бекон, сосиски или мясные консервы «Спам», вывезенные с американских военных баз.

Я до смерти хотел попробовать мясные консервы «Спам», отварной маринованной солонины, шоколадок, галет и бесчисленных других вещей, названия которых я даже не знал, из ящичков американского «Рациона Си» (полевой паёк для боевых условий, состоящий из консервированных и сушеных продуктов). Мой дядя по материнской линии был генералом корейской армии и он сберегал припасы во время совместных учений с американскими коллегами, и иногда давал мне полакомиться. Американские солдаты ругали никудышное качество своих полевых пайков. Для меня же они были как корзины продуктов для пикника «Fortnum & Mason». Но тогда я жил в стране, где в ванильном мороженом было так мало ванили, что я думал, что слово «ванильное» означает «простое, без вкусовых добавок», пока я не начал учить английский в школе. Если так дело обстояло с хорошо питавшимся ребёнком из верхнего среднего класса, то вы можете себе представить, каково было остальным.

Когда я перешёл в старшие классы, мой отец подарил мне калькулятор «Casio», подарок далеко за пределами даже самых смелых мечтаний. Тогда он вероятно стоил половину месячной зарплаты работника швейной фабрики, и это было огромной тратой, даже для моего отца, но он ничего не жалел ради образования. Двадцать лет спустя сочетание быстрого развития электроники и подъём уровня жизни в Корее привели к тому, что калькуляторы были в таком изобилии, что их раздавали как подарки в универсамах. Многие из них, в конце концов, оказались в роли игрушки для младенцев (хотя я не думаю, что именно поэтому корейские дети хорошо успевают по математике!).

Корейское «экономическое чудо», конечно же, не было лишено тёмной стороны. Многие девушки из бедных семей в деревне были вынуждены искать работу, сразу же после окончания начальной школы в возрасте 12 лет, чтобы «избавить семью от лишнего рта» и заработать денег, позволив хотя бы одному из братьев получить высшее образование. Некоторые из них становились служанками в городских семьях среднего класса, работая за стол и кров, а если повезет, то и немного карманных денег впридачу. Других девушек, а также юношей, которым не повезло, эксплуатировали на заводах и фабриках, условия работы которых, навевали воспоминания об «адских мельницах» XIX века [из поэмы Уильяма Блэка «*And did those feet in ancient time*»] или о потогонном производстве в сегодняшнем Китае. В текстильной и швейной промышленности, которые были главными экспортными отраслями, рабочие часто работали по 12 часов и более, в опасных и нездоровых условиях, за низкую зарплату. На некоторых

фабриках отказывались подавать в столовых суп, чтобы, не дай бог, рабочим не понадобились бы дополнительные перерывы на туалет, что могло снизить их и без того минимальные прибыли. Во вновь создаваемой тяжелой промышленности – автомобильной, сталелитейной, химической, машиностроительной и пр. – условия были лучше, но в целом корейские рабочие работали в среднем 53–54 часа в неделю, больше, чем где бы то ни было в мире, в то время.

Возникли городские трущобы. Поскольку они обычно располагались на склонах холмов [сонок], из которых в основном и состоит корейский ландшафт, их прозвали «Районы Луны», в честь популярного комедийного телесериала 1970-х годов. Семьи из четырёх-пяти человек ютились в крошечных комнатках, и на сотни людей был один туалет и один водопроводный кран. Многие такие трущобы разгоняла полиция, а жильцов распахивали по широко раскинувшимся предместьям, с ещё худшей антисанитарией и худшей транспортной досягаемостью. На расчищенном месте строили новые микрорайоны многоэтажек для растущего среднего класса. Если бедняки не могли вырваться из новых трущоб достаточно быстро (хотя вырваться из трущоб было, по крайней мере, возможно, принимая во внимание быстрый рост экономики и создание новых рабочих мест), городская застройка опять настигала их и отправляла в ещё более отдалённые места. Некоторые оказывались в конечном итоге бездомными на главной городской свалке на острове Нанжи. Немногие за пределами Кореи знают, что прекрасные общественные парки, окружающие великолепный Сеульский футбольный стадион, который весь мир видел во время Чемпионата мира 2002 года, были построены в буквальном смысле поверх старой свалки на острове (сегодня на нём расположена ультрасовременная экологичная газовая электростанция, которая перерабатывает органические отходы, сваленные там).

В октябре 1979 года, когда я всё ещё учился в школе, на фоне растущего всеобщего недовольства диктаторским правлением и экономической сумятицы, вызванной Вторым нефтяным шоком, президент Пак был неожиданно убит руководителем своей собственной Службы безопасности. Последовала недолгая «Сеульская весна», полная надежд на демократию. Они грубо оборвались следующим военным правительством генерала Чон Ду Хвана (Chun Doo-Hwan), который захватил власть, после того как в мае 1980 года, во время Резни в Кванджу, он сокрушил вооружённое народное восстание.

Несмотря на глубокую политическую реакцию, к началу 1980-х годов Корея стала крепким середняком по доходам, наравне с Эквадором, Маврикием и Коста-Рикой. Но она была всё ещё далека от той процветающей Кореи, которую мы знаем сегодня. Одним из жаргонных выражений, ходивших среди нас, старшеклассников, было «я бывал в Гонконге», что означало «я испытал мир за пределами нашего». Даже сегодня Гонконг всё ещё значительно богаче, чем Корея, но в 1960-е и 1970-е годы это выражение отражало тот факт, что подушевой ВВП Гонконга был в 3–4 раза больше чем у меня на родине.

Когда в 1982 году я поступил в университет, меня интересовали проблемы прав интеллектуальной собственности, тема ставшая ещё более актуальной в наше время. К тому времени Корея стала достаточно компетентной, чтобы копировать современную продукцию и достаточно богатой, чтобы желать прекрасного в своей жизни (музыки, модных товаров, книг). Но она ещё не была достаточно передовой, чтобы выдвигать свои собственные оригинальные идеи, разрабатывать и владеть международными патентами, авторскими правами и торговыми марками.

Сегодня Корея – одна из наиболее «изобретающих» стран в мире, она входит в число первой пятёрки стран, ежегодно получающих наибольшее число патентов в Патентном ведомстве США. Но до середины 1980-х годов страна жила «обратным инжинирингом». Мои друзья покупали «скопированные» компьютеры, изготовленные в мелких мастерских, которые разбирали «IBM»-образцы, копировали все компоненты и собирали свои. То же самое происходило с торговыми марками. В то время Корея была одной из «пиратских столиц» мира, штампуя поддельные кроссовки «Nike» и сумочки «Louis Vuitton» в огромных количествах. Те, у кого

была более чувствительная совесть, выбирали почти-подделки. Так, например, были кроссовки, которые выглядели как «Nike», но назывались «Nice», или кроссовки, которые имели фирменный найковский штрих, но с дополнительным ответвлением. Поддельные товары редко выдавались за настоящие. Те, кто их покупал, прекрасно понимали, что покупают подделки; весь смысл этого был в том, чтобы произвести модное впечатление, нежели ввести в заблуждение. Защищенные авторским правом материалы не были исключением. Сегодня Корея экспортирует в большом, и всё возрастающем количестве, защищенные авторским правом материалы (фильмы, телесериалы, поп музыку), но, в то время, импортная музыка (долгоиграющие пластинки) или фильмы (видеокассеты) были настолько дороги, что мало кто мог себе позволить оригинальный товар. Мы выросли, слушая пиратские записи рок-н-ролла, которые мы называли «записи из тэмпурной», потому что звук был такой, как будто, кто-то жарил тэмпуру [*блюдо из рыбы, морепродуктов и овощей, приготовленных в кляре и обжаренных во фритюре*] на заднем плане. Что касается иностранных книг, они всё ещё были недоступны большинству студентов. Поскольку я был из обеспеченной семьи, которая могла вкладывать в образование, у меня было несколько импортных книг. Но большинство моих книг на английском языке были пиратскими изданиями. Я ни за что бы не поступил и не удержался бы в Кембридже, если бы не эти пиратские книги.

К тому времени, когда я заканчивал первый этап моей учёбы в Кембридже в конце 1980-х, Корея стала страной с подушевым доходом стабильно намного выше среднего. И самым верным свидетельством тому было то, что европейские страны перестали требовать от корейцев въездных виз. Всё равно к тому времени для большинства из нас уже не было причин желать эмигрировать куда-нибудь нелегально. В 1996 году Корея даже присоединилась к Организации Экономического Сотрудничества и Развития (OECD) – клубу богатых стран – и объявила себя «добившейся признания», хотя эта эйфория очень сильно сдулась начавшимся финансовым кризисом, охватившим Корею в 1997 году. С того времени страна еще не восстановила свои бывшие высокие экономические показатели, в основном из-за того, что она слишком рьяно приняла модель «господства свободного рынка». Но об этом позднее.

Каковы бы ни были её сегодняшние проблемы, корейский экономический рост, и вызванные им социальные преобразования за последние 45 лет, были поистине впечатляющими. Она проделала путь от одной из наибеднейших стран в мире до страны равной Португалии и Словении в терминах подушевого дохода⁶. Страна, главным экспортом которой были вольфрамовая руда, рыба и парики из человеческого волоса, стала высокотехнологическим центром, экспортирующим мобильные телефоны и плазменные телевизоры, которые с удовольствием покупают по всему миру. Улучшившееся питание и здравоохранение способствовали тому, что сегодняшний новорожденный в Корее, имеет все шансы прожить на 24 года дольше, чем родившийся в 1960-е годы (77 лет против 53 лет соответственно). Сегодня вместо 78 младенцев на 1000 рождений, только 5 не доживают до года, разбивая сердца намного меньшему числу родителей. В терминах этих показателей «шансов в жизни» успех Кореи таков, как если бы Гаити превратилась в Швейцарию⁷⁸. Как это «чудо» стало возможным?

Для большинства экономистов ответ очень прост. Корея преуспела, потому что она следовала диктату свободного рынка. Она следовала принципам здоровых финансов (низкая инфляция), небольшого правительства, частного предпринимательства, свободной торговли и политики дружелюбия по отношению к иностранным инвестициям. Эта точка зрения известна как неолиберальная экономика

Неолиберальная экономика – это новая версия либеральной экономики экономиста XVIII века Адама Смита и его последователей. Впервые она появилась в 60-е годы XX века и стала повсеместно господствующей доктриной с 1980-х. Либеральные экономисты XVIII и XIX веков считали, что неограниченная конкуренция на свободном рынке была наилучшим способом устройства экономики, потому что она заставляет всех работать с наибольшей

отдачей. Вмешательство государства считалось вредным, потому что оно снижало давление конкуренции, ограничивая участие потенциальных конкурентов, посредством регулирования импорта или введением монополий. Неолиберальные экономисты выступают за некоторые вещи, который прежние либералы не одобряли – из наиболее ярких примеров, некоторые формы монополии (такие как патенты или монополия центрального банка на выпуск банкнот) и политическая демократия. Но в целом они разделяют энтузиазм прежних либералов в отношении свободного рынка. И, несмотря на незначительные поправки, последовавшие за целой серией разочаровывающих результатов применения неолиберальной политики в развивающихся странах за последнюю четверть века, ядро неолиберальной программы, состоящей из дерегулирования, приватизации и открытости международной торговле и инвестициям, оставалось неизменным с 80-х годов XX века.

В отношении развивающихся стран, неолиберальная программа проталкивалась союзом правительств богатых стран, руководимым США при посредничестве «Нечестивой Троицы» международных экономических организаций, которые они почти совершенно контролируют – Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ) и Всемирной Торговой Организации (ВТО). Правительства богатых стран используют свою финансовую помощь и доступ на свои рынки как морковку, чтобы побудить развивающиеся страны принять неолиберальную политику. Это делается и в интересах конкретных лоббирующих компаний, но обычно, чтобы создать общую благоприятную обстановку для иностранных товаров и инвестиций в соответствующей развивающейся стране. МВФ и ВБ играют свою роль, связывая предоставление своих займов, с условием принятия неолиберальной политики. ВТО вносит свой вклад, формулируя правила международной торговли, которые благоволят свободе торговли в сфере, где богатые страны сильны, но не там, где они слабы (к примеру, сельское хозяйство или текстиль). Эти правительства и международные организации поддерживает целая армия идеологов. Некоторые из них – это высококвалифицированные ученые, которые должны бы знать пределы экономики свободного рынка, но склонны их игнорировать, когда дело доходит до политического консультирования (особенно, когда они консультировали бывшие коммунистические экономики в 90-е годы XX века). Взятые вместе, эти различные органы и частные лица составляют могущественную пропагандистскую машину, финансово-интеллектуальный комплекс, опирающийся на деньги и власть.

Этот неолиберальный истеблишмент заставляет нас поверить, что в годы своего «экономического чуда», в 1960-1980-е годы, Корея следовала неолиберальной стратегии экономического развития⁹. Реальность же была совершенно иной. То, чем Корея на самом деле занималась эти десятилетия, так это тем, что вскармливала новые отрасли промышленности, выбранные государством, с привлечением частного сектора, посредством тарифной защиты, субсидий и других форм государственной поддержки (например, маркетинговой информации о зарубежных рынках, предоставляемой государственным экспортным агентством), до тех пор, пока они не «подросли» достаточно, чтобы выдерживать международную конкуренцию. Все банки принадлежали государству, чтобы оно могло направлять кровь бизнеса – кредит. Некоторые крупные проекты были запущены непосредственно госпредприятиями, сталелитейный комбинат POSCO тому лучший пример, хотя Корея придерживалась прагматического, а не идеологического взгляда на вопрос о госпредприятиях. Если частные предприятия работали нормально, что ж, хорошо; если же они не инвестировали в важные области, государство не стеснялось создать госпредприятие; и если какие-нибудь частные предприятия управлялись плохо, государство забирало их, реструктурировало, и, обычно (но не всегда), вновь продавало.

Корейское правительство также обладало тотальным контролем над операциями с дефицитной инвалютой (нарушение правил валютных операций могло повлечь наказание, вплоть до смертной казни). В сочетании с тщательно продуманными приоритетами в расходовании инвалюты, эти меры гарантировали, что с большим трудом заработанная инвалюта, трати-

лась на жизненно необходимые оборудование и материалы. Также корейское правительство жёстко контролировало иностранные инвестиции, приветствуя их с распростёртыми объятиями в определённых секторах и совершенно не допуская их в другие, в соответствии с регулярно пересматриваемым Планом национального развития. Ещё оно очень спокойно относилось к иностранным патентам, поощряя «обратный инжиниринг» и закрывая глаза на «пиратское копирование» защищённой патентами продукции.

Общераспространённое представление о Корее, как об экономике со свободой торговли было создано её экспортными успехами. Но успехи в экспорте не требуют свободы торговли, как это продемонстрировали также Япония и Китай. В начальный период корейский экспорт – такие товары, как простая одежда и дешёвая электроника – были средством получить твёрдую валюту, нужную, чтобы заплатить за современные технологии и дорогое оборудование, которые были нужны для новых наукоёмких отраслей, которые, в свою очередь, были защищены высокими тарифами и субсидиями. В то же время, тарифные барьеры и субсидии не должны были ограждать новые отрасли от международной конкуренции вечно, но лишь до тех пор, пока они не смогут воспринять новые технологии, наладить новую организацию производства и начать конкурировать на мировом рынке.

Корейское экономическое «чудо» было результатом толкового и прагматического комбинирования рыночных стимулов и государственного руководства. Корейское правительство не боролось с рынком, как это делали коммунистические государства. Но оно и не питало слепой веры в силы свободного рынка. Относясь к рынкам серьёзно, корейская стратегия признавала, что, зачастую, их нужно поправлять посредством государственного вмешательства.

Если бы только одна Корея разбогатела от такой «еретической» политики, то гуру свободного рынка могли бы отмахнуться от неё, как от, всего лишь, исключения, подтверждающего правило. Но Корея – не исключение. Как я далее продемонстрирую, практически *все* сегодняшние развитые страны, включая Британию и США, якобы родину свободного рынка и свободной торговли, разбогатели, опираясь на рецепты, которые противоречат ортодоксии неолиберальной экономики.

Сегодняшние богатые страны прибегали к протекционизму и субсидиям, дискриминируя иностранных инвесторов – всё это предаётся анафеме современной ортодоксией, жёстко ограничено многосторонними соглашениями, такими как Соглашение об учреждении ВТО, и объявлено вне закона финансовыми донорами и международными финансовыми организациями (прежде всего МВФ и ВБ). Всего несколько стран, такие как Нидерланды и Швейцария (до Первой мировой войны), широко не применяли протекционизм. Но и они отклонялись от догмы в других сферах, например, они отказывались признавать патентную защиту. Послужной список сегодняшних богатых стран в отношении иностранных инвестиций, государственных предприятий, макроэкономического управления и политических институтов также демонстрирует значительные отклонения от сегодняшней ортодоксии по этим вопросам.

Почему же тогда богатые страны не рекомендуют сегодняшним развивающимся странам те стратегии, которые так хорошо им послужили? Почему, вместо этого, они рассказывают сказки про историю капитализма, и притом прескверные?

В 1841 году немецкий экономист Фридрих Лист (Friedrich List) подверг Британию критике за то, что она проповедует свободу торговли другим странам, в то время как сама она достигла экономического превосходства посредством высоких тарифов и громадных субсидий. Он обвинил Британию в том, что она «вышибает лестницу», по которой сама взобралась на вершину мировой экономики: «это очень распространённый хитрый приём, когда кто-нибудь достигает вершины величия, *он вышибает лестницу* по которой поднялся, чтобы лишить других средства подняться вслед за ним [курсив автора]»¹⁰.

В наши дни совершенно точно есть определённые люди в богатых странах, которые проповедуют бедным странам свободный рынок и свободу торговли, для того чтобы захватить

долю побольше на их рынках и предотвратить появление возможных конкурентов. Они говорят: «делайте как мы говорим, а не так, как мы сами делали» и ведут себя как Недобрые Самаритяне, наживаясь на тех, кто попал в затруднительное положение¹¹. Но что тревожит ещё больше, так это то, что многие сегодняшние Недобрые Самаритяне даже не понимают, что они вредят развивающимся странам своею политикой. История капитализма была так кардинально переписана, что многие люди в богатых странах совершенно не понимают тех двойных стандартов, которые содержатся в рекомендации свободного рынка и свободной торговли развивающимся странам.

Я не утверждаю, что где-то существует злобный тайный комитет, который систематически заретушёвывает нежелательных людей на фотографиях и переписывает исторические хроники. Тем не менее, история пишется победителями, и вполне в человеческой природе истолковывать прошлое с позиций дня сегодняшнего. Время шло и, постепенно, зачастую неосознанно, богатые страны переписали свою историю, с тем, чтобы она больше согласовалась с тем, какими они считают себя сегодня, нежели с тем какими они были на самом деле – во многом подобно тому, как сейчас пишут об Италии эпохи Возрождения (забывая, что такой страны не существовало до 1871 года) или причисляют франкоязычных скандинавов (королей норманнов-завоевателей) к числу «английских» королей и королев.

В результате этого многие Недобрые Самаритяне расхваливают бедным странам политику свободного рынка и свободы торговли, искренне, но ошибочно полагая, что именно этими путями их собственные страны пришли к богатству. Но, на самом деле, они только усложняют жизнь тем, кому пытаются помочь. Иногда такие Недобрые Самаритяне могут стать *большой* проблемой, чем, те, кто сознательно «вышибают лестницу», потому что самодовольство нередко непреклоннее своекорыстия.

Так как же нам разубедить Недобрых Самаритян, чтобы они не вредили бедным странам, какими бы благородными их намерения не были? И что они могли бы сделать вместо этого? Сочетая историю, анализ современного мира, прогнозы на будущее и предложения некоторых изменений, настоящая книга может дать ответы на эти вопросы.

Пхеньян в наши дни

Начать нужно с истинной истории капитализма и глобализации, которым я посвящаю следующие две главы (Главы 1 и 2). В этих главах я продемонстрирую, что многое из того, что читатель мог считать «фактами истории» либо неверно, либо составляет только полуправду. Британия и США *не* являются родиной свободы торговли; на самом деле, в течение долгого времени, они были самыми протекционистскими странами в мире. Не все страны преуспели, прибегая к протекционизму и субсидиям, но из тех, кто пришел к успеху, почти нет тех, которые бы обошлись без них. Для развивающихся стран свобода торговли редко была предметом их собственного выбора; часто она навязывалась извне, иногда даже военной силой. По большей части, при свободе торговли они жили очень бедно; когда же они применяли протекционизм и субсидии, им жилось намного лучше. Лучшие всех экономические показатели были у тех стран, которые открывали свои экономики избирательно и постепенно. Неолиберальная политика свободного рынка и свободы торговли требует жертвовать справедливостью в пользу роста, но, на самом деле, не достигает ни того, ни другого; за последние двадцать пять лет, когда рынки освободили и границы открыли, рост замедлился.

В основной части книги (Главы с 3 по 9), которая следует за исторической частью, я применю сочетание экономической теории, истории и современных нам свидетельств, чтобы перевернуть с ног на голову общепринятые взгляды на экономическое развитие.

- Свободная торговля уменьшает свободу выбора для бедных стран.
- Недопущение иностранных компаний может быть полезно для них [*бедных стран*] в долгосрочной перспективе.
- Инвестирование в компанию, которая будет приносить убытки в течении 17 лет может оказаться отличным предложением.
- Некоторые из лучших компаний мирового класса принадлежат государству и управляются им.
- «Заимствование» идей у более продуктивных иностранцев жизненно важно для экономического развития.
- Низкая инфляция и экономность правительства могут быть вредными для экономического развития.
- Коррупция существует потому, что рынка слишком много, а не слишком мало.
- Свободный рынок и демократия не обязательно идут рука об руку.
- Страны бедны не потому, что их народы ленивы; народы «ленивы» потому, что бедны.

Так же, как это Пролог, завершающая глава начинается альтернативной «историей из будущего», но в этот раз очень безрадостной. Сценарий намеренно сделан пессимистическим, но его основание прочно коренится в сегодняшней реальности, показывая, как близки мы к такому будущему, если продолжим неолиберальную политику, распространяемую Недобрыми Самаритянами. Далее в этой главе я представлю некоторые ключевые принципы, подытоживающие детально рассмотренную во всей книге альтернативную экономическую политику, которая должна руководить нашими действиями, если мы собираемся помочь развивающимся странам двигать вперед свою экономику. Несмотря на мрачный сценарий, глава, как и вся книга, завершается на оптимистической ноте, объясняя почему я верю, что большинство Недобрых Самаритян можно изменить и заставить по-настоящему помочь развивающимся странам улучшить их экономическое положение.

Глава 1. Об автомобилях «Лексус» и прелестях мирной жизни

Мифы и факты о глобализации

Однажды, в одной развивающейся стране, её главный автопроизводитель отправил свои первые легковые автомобили на американский рынок. До того дня, небольшая компания делала только низкопробные продукты – плохие копии качественных товаров, произведённых в богатых странах. Машина была обыкновенная, просто дешёвая микролитражка, как говорится «четыре колеса и пепельница». Но для страны это был важный момент, и экспортёр испытывал гордость.

К несчастью, продукт провалился. Все считали, что машинка выглядит ужасно, а искушенные покупатели не хотели тратить серьёзные деньги на семейный автомобиль из страны, где до сих пор делали только второразрядные вещи. Машину пришлось отозвать с американского рынка. Провал вызвал серьёзные дебаты среди жителей этой страны.

Многие из них считали, что компании следовало придерживаться своего первоначального бизнеса – производства простого текстильного оборудования. В конце концов, главным экспортным товаром страны был шёлк. Если компания не смогла выпустить хороший автомобиль после 25 лет непрерывных попыток, значит этому и не бывать. Государство делало всё для её успеха. Оно обеспечило ей высокие прибыли на отечественном рынке через высокие тарифы и драконовский контроль за иностранными инвестициями в автомобильную промышленность. Ещё десяти лет не прошло, как оно даже выделяло государственные средства, чтобы спасти компанию от неминуемого банкротства. Так что, утверждали критики, иностранные автомобили нужно свободно ввозить, а иностранным автопроизводителям, которых двадцать лет назад выгнали, позволить обосноваться вновь.

Другие не соглашались. Они утверждали, что ни одна страна не добилась успеха, без развития «серьёзных» отраслей промышленности, таких как автомобилестроение. Просто им нужно больше времени, чтобы выпустить машину, которая понравится всем.

Год был 1958-й и страна, вообще-то, была Япония. Компания называлась «Тойота», а машина называлась «Тоуорет». «Тойота» начинала как производитель текстильного оборудования («Автоматические ткацкие станки Toyota») и вошла в автомобилестроение в 1933 году. Японское правительство изгнало «General Motors» и «Ford» в 1939 году и поддержало «Тойоту» деньгами из Центрального банка (Bank of Japan) в 1949 году. Сегодня японские автомобили – это так же естественно, как шотландский лосось или французское вино, но менее 50 лет назад, большинство людей, включая многих японцев, считали, что японское автомобилестроение просто не должно существовать.

Полвека спустя после фиаско с «Тоуорет», премиум-бренд «Тойоты» «Lexus» стал чемто вроде иконы глобализации, благодаря книге американского журналиста Томаса Фридмана (Thomas Friedman) *«Лексус» и оливковая ветвь*. Книга обязана своим заглавием тому озарению, которое снизошло на Фридмана на скоростном поезде «Синкансен», во время его поездки в Японию в 1992 году. Он посетил завод «Лексус», который произвёл на него огромное впечатление. На обратном пути из автозавода в Тойота-сити в Токио, в поезде ему попалась на глаза очередная статья о напряжённости на Ближнем Востоке, где он долгое время был корреспондентом. И его осенило. Он вдруг осознал, что «кажется, что половина всего мира настроена улучшать «Лексус», привержена модернизации, ускорению и приватизации своих экономик, для того, чтобы процветать в системе глобализации. А вторая половина мира, иногда половина

той же самой страны, иногда другая половина того же самого человека, всё ещё охвачена битвой за то, кому какое оливковое дерево принадлежит»¹².

По словам Фридмана, если они не впишутся в определённый набор правил экономической политики, который он назвал «золотой смирительной рубашкой», страны из мира оливковых деревьев не смогут присоединиться к миру «Лексуса». Описывая «золотую смирительную рубашку», он в основном повторяет сегодняшнюю неолиберальную ортодоксию: для того чтобы вписаться, стране нужно приватизировать государственные предприятия, поддерживать низкий уровень инфляции, сократить численность государственного аппарата, поддерживать бездефицитный бюджет (а ещё лучше иметь профицит), либерализовать торговлю, дерегулировать иностранные инвестиции, дерегулировать рынок капитала, сделать валюту конвертируемой, снизить коррупцию и приватизировать пенсии¹³. По его словам, это – единственный путь к успеху в новой глобальной экономике. Его «смирительная рубашка» – это единственное снаряжение для жёсткой, но пьянящей игры в глобализацию. Фридман категоричен: «К сожалению, эта «золотая смирительная рубашка» во многом «одного стандартного размера на всех» ... Она не всегда красива или мягка, или удобна. Но она имеется в наличии и это единственная модель, предлагаемая в данном историческом сезоне»¹⁴.

Тем не менее, факт остаётся фактом, если бы японское правительство последовало в начале 1960-х годов советам экономистов свободной торговли, не было бы никакого «Лексуса». В лучшем случае, сегодня «Тойота» была бы младшим партнёром при какомнибудь западном автоконцерне, в худшем – была бы сметена. И это касалось всей японской экономики. Если бы тогда Япония одела фридмановскую «золотую смирительную рубашку», она бы осталась третьеразрядной промышленной державой, которой она была в 1960-е годы, имея уровень доходов наравне с Чили, Аргентиной и ЮАР¹⁵, страной, премьер-министром которой оскорбительно пренебрёг французский президент Шарль де Голль (Charles De Gaulle), назвав его «продавцом транзисторов»¹⁶. Другими словами, последуй они совету Фридмана, японцы бы сегодня не экспортировали «Лексусы», а всё ещё боролись за то, кому какое тутовое дерево принадлежит.

Официальная история глобализации

Наш рассказ о «Тойоте» подводит к мысли, что есть нечто особенно режущее слух в этой сказочке о глобализации, продвигаемой Томасом Фридманом и его коллегами. Чтобы объяснить вам, что же это конкретно, мне нужно рассказать вам, что я называю «официальной историей глобализации», и в чём её ограниченность.

Согласно официальной истории, глобализация постепенно развивалась в течение последних трёх столетий следующим образом¹⁷: Британия приняла политику свободного рынка и свободы торговли в XVIII веке, намного раньше других стран. К середине XIX века, благодаря впечатляющим успехам британской экономики, превосходство такой политики стало настолько очевидным, что другие страны тоже стали либерализовывать свою торговлю и дерегулировать внутреннее хозяйство. Этот либеральный мировой порядок, окончательно оформившейся к 1870 году при британской гегемонии, основывался: на промышленной политике *laissez-faire* [невмешательства] внутри страны; на невысоких барьерах для международного потока товаров, капитала и труда; и на макроэкономической стабильности внутри страны и в мире, обеспечивающей принципы здоровых финансов (низкую инфляцию) и бездефицитный бюджет. Последовал период неслыханного процветания.

Британские суда времён англо-голландских войн – века расцвета английского протекционизма

К сожалению, всё пошло наперекосяк после Первой мировой войны. В ответ на надвигающуюся нестабильность мировой экономики, многие страны неразумно начали вновь возводить торговые барьеры. В 1930 году США отказались от свободы торговли и ввели в действие печально известный тариф Смута-Хоули. Такие страны как Германия и Япония отказались от либеральной политики, воздвигли высокие торговые барьеры и создали картели, которые

были тесно связаны с их фашизмом и внешней агрессией. Мировая система свободной торговли закончилась в 1932 году, когда Британия, до того дня поборник свободной торговли, поддалась искушению и сама восстановила внешнеторговые тарифы. Последовавшие сжатие мировых рынков и нестабильность, а затем и начавшаяся Вторая мировая война, разрушили последние следы первого либерального мирового порядка.

После Второй мировой войны, мировая экономика перестроилась в более либеральном духе, на этот раз при американской гегемонии. В частности, значительного прогресса достигла либерализация между богатыми странами на раннем этапе переговоров по ГАТТ (Генеральное Соглашение по Тарифам и Торговле). Но протекционизм и государственное вмешательство всё ещё сохранялось в развивающихся, не говоря уже о коммунистических странах.

К счастью, от *нелиберальной* политики стали повсеместно отказываться после подъёма в 1980-е годы неолиберализма. К концу 1970-х годов, провал так называемой импортозамещающей индустриализации (ISI) в развивающихся странах, основанной на протекционизме, субсидиях и регулировании, стал настолько очевидным, что его нельзя было не замечать¹⁸. Экономическое «чудо» Восточной Азии, в которой уже практиковали свободу торговли и поощряли иностранные инвестиции, явилось сигналом к пробуждению других развивающихся стран. После Долгового Кризиса Третьего мира 1982 года многие развивающиеся страны отказались от интервенционизма и протекционизма в пользу неолиберализма. Это движение к глобальной интеграции было увенчано падением коммунизма в 1989 году.

Беспрецедентное ускорение в развитии технологий транспорта и связи сделало еще более необходимым такие перемены в национальной политике. С их развитием, возможности вступить во взаимовыгодные отношения с партнёрами в далёких странах – через торговлю и инвестиции – радикально возросли. Открытость стала ещё более важным, чем прежде, фактором процветания страны.

Отражая углубляющуюся глобальную экономическую интеграцию, в последние годы укреплялась всемирная система экономического управления. Наиболее важное изменение произошло в 1995 году, когда ГАТТ преобразовалось в ВТО, могущественный орган, продвигающий либерализацию не только в торговле, но и в других областях, таких как регулирование иностранных инвестиций и права интеллектуальной собственности. ВТО теперь образует ядро мировой системы управления экономикой, наряду с МВФ, отвечающим за доступ к краткосрочным финансам и Всемирным банком, отвечающим за долгосрочные инвестиции.

Результатом этих преобразований, согласно официальной версии, стала глобализованная мировая экономика, сравнимая по своей изобильности и возможностям для процветания, только с «золотой эрой» либерализма (1870–1913). Ренато Руджеро (Renato Ruggiero), первый Генеральный директор ВТО, торжественно объявил, что в результате этого нового мирового порядка, у нас теперь есть «возможность искоренить бедность в мировом масштабе в начале следующего [XXI-го] столетия – утопическая мысль ещё несколько десятилетий назад, реальная возможность сегодня»¹⁹.

Такая версия истории глобализации принята повсеместно. Ей полагается быть планом действий для тех, кто формирует политику своих стран, направляя их к процветанию. К несчастью она рисует в корне ложную картину, искажая наше представление о том, откуда мы пришли, где мы сейчас и куда мы можем направиться в дальнейшем. Давайте разберёмся в чём это заключается.

Реальная история глобализации

30-го июня 1997 года последний британский губернатор Кристофер Паттен (Christopher Patten) официально возвратил Китаю Гонконг. Многих британских комментаторов волновала судьба гонконгской демократии под управлением Коммунистической партии Китая (КПК), не взирая на то, что демократические выборы в Гонконге разрешили только в 1994 году, на 152-м году британского правления, и всего за три года до планируемой передачи. И, похоже что, никто совсем не помнил, как Гонконг перешел в британское владение с самого начала.

Гонконг стал британской колонией по Нанкинскому Договору 1842 года в результате Первой Опиумной войны. Это был особенно позорный эпизод, даже по меркам империализма XIX века. Растущая любовь британцев к чаю создала огромный дефицит в торговле с Китаем. В отчаянной попытке восполнить этот разрыв, Британия начала экспортировать производимый в Индии опиум в Китай. Такой мелочи, как то, что продажа опиума в Китае была противозаконной, нельзя было позволить стать на пути благородного дела сведения балансовых счетов. Когда китайские должностные лица конфисковали груз недозволенного опиума в 1841 году, британское правительство использовало это как предлог, чтобы решить этот вопрос раз и навсегда, объявив войну. Китай потерпел тяжёлое военное поражение и был вынужден подписать Нанкинский Договор, по которому Китай «сдаёт в аренду» Гонконг и отказывается от права устанавливать свои собственные тарифы.

Такие вот дела – самопровозглашённый лидер «свободного» мира объявляет войну другой стране потому, что та мешается на пути противозаконной наркоторговли. Правда состоит в том, что свободное движение товаров, людей и денег, которое возникло при британской гегемонии между 1870 и 1913 годами – первый эпизод глобализации – стало возможно, по большей части, благодаря военной силе, нежели рыночным силам. Кроме самой Британии, другими участниками свободной торговли в тот период были слабые страны, которые не приняли её добровольно, а были принуждены колониальным правлением или неравноправными договорами (такими как Нанкинский Договор), которые среди прочего лишали их права самостоятельно устанавливать тарифы и налагали на них установленные извне, с единой низкой ставкой (3–5 %) тарифы²⁰. [*Не будем забывать о «Соглашении об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским Союзом, Европейским Сообществом по атомной энергетике и их государствами-членами, с другой стороны»*]

Несмотря на их ключевую роль в установлении «свободной» торговли в конце XIX и начале XX века, колониализм и неравноправные договора едва ли удастаиваются упоминания в существующих горах проглобалистской литературы²¹. Даже когда про них говорят в открытую, в целом их роль считают положительной. К примеру, в своей известной книге «*Empire*», британский историк Наял Фергюсон (Niall Ferguson) честно перечисляет многие злодеяния Британской империи, включая Опиумные войны, но утверждает, что Британская империя в целом была неплохой штукой – вероятно, она была наиболее дешевым способом гарантировать свободу торговли, от которой польза была всем²². Тем не менее, страны, находившиеся под колониальным правлением и неравноправными договорами жили очень бедно. В период с 1870 по 1913 годы подушевой ВВП в Азии (за вычетом Японии) рос на 0,4 % в год, в Африке же он рос на 0,6 % в год²³. Соответствующий показатель составлял 1,3 % для Западной Европы и 1,8 % для США²⁴. Особенно интересно отметить, что латиноамериканские страны, которые к тому времени восстановили тарифную автономию и могли похвастаться самыми высокими тарифами в мире, росли так же быстро, как и США в тот период²⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.